
РОЛЬ СИМВОЛА В ПОЛИТИКО- ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

УДК 003 : 94(47)

DOI: 10.31249/hoc/2023.02.15

*Кириянов И.К.**

СИМВОЛИЧЕСКИЕ КОДЫ ПИДЖАКА В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЯХ XIX – НАЧАЛА XXI в. ©

Аннотация. Предметом исследования стали символические коды мужского пиджака в отечественных политических коммуникациях XIX–XXI вв. Теоретической рамкой для исследования выступил концепт семиотической ситуации, а базовым источником – эго-документы современников семиотических ситуаций. Выделены три семиотические ситуации: административное преследование И.С. Тургенева в 1852 г. за публикацию статьи-некролога памяти Н.В. Гоголя; императорский прием депутатов Государственной думы и членов Государственного совета 27 апреля 1906 г.; отречение Николая II и образование Временного правительства, события, происшедшие 2–3 марта 1917 г., в самом начале российской революции 1917–1921 гг. Динамика символических кодов пиджака в отечественной политической ком-

** Кириянов Игорь Константинович – доктор исторических наук, заведующий Отделом по исследованию политических институтов и процессов Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН, Пермь, Россия, e-mail: ikiryanov@yandex.ru*

Kiryanov Igor Konstantinovich – DSc in History, Head of Department for the study of political institutions and processes of the Perm Federal Research Center, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russia, e-mail: ikiryanov@yandex.ru

© Кириянов И.К., 2023

муникации связывается с его особенностями как вещи (функциональная универсальность и комфортность, приспособляемость к модным трендам и т.п.), разнообразием ситуаций, в которых пиджак порождает политические смыслы, его визуально-эстетической аутентичностью эпохи modernity в целом.

Ключевые слова: политическая история России; пиджак; политическая коммуникация; семиотическая ситуация; вестиментарный знак.

Поступила: 01.02.2023

Принята к печати: 01.03.2023

Kiryanov I.K.

**Symbolic codes of suit jacket in Russian political communications
of the 19th–21st centuries**

Abstract. The study deals with the symbolic codes of the man's suit jacket in Russian political communications of the 19th–21st centuries. The theoretical framework for the study was the concept of a semiotic situation, and the basic source was the ego-documents of contemporaries of semiotic situations. Analyzed three semiotic situations: administrative prosecution of I.S. Turgenev in 1852 for the publication of an obituary article in memory of N.V. Gogol; imperial reception of deputies of the State Duma and members of the State Council on April 27, 1906; the abdication of Nicholas II and the formation of the Provisional Government, the events that took place on March 2–3, 1917, at the very beginning of the Russian revolution of 1917–1921. The dynamics of the symbolic codes of the suit jacket in Russian political communication is associated with its features as a thing (functional versatility and comfort, adaptability to fashion trends, etc.), variety of situations in which the jacket gave rise to political meanings, and its visual and aesthetic authenticity to the era of modernity in general.

Keywords: political history of Russia; suit jacket; political communication; semiotic situation; vestimentary sign.

Received: 01.02.2023

Accepted: 01.03.2023

Для цитирования: Кириянов И.К. Символические коды пиджака в отечественных политических коммуникациях XIX–XXI вв. // Вестник культурологии. – 2023. – № 2(105). – С. 259–271. DOI: 10.31249/hoc/2023.02.15

В исследованиях историков, культурологов и политологов начала XXI в. сюжеты, связанные с политической символикой костюма в прошлом и настоящем, все чаще выбираются предметом для научного анализа [напр., см.: Wrigley, 2002; Вайнштейн, 2004; Bard, 2010; Волобуева, 2010]. В 2015 г. политические смыслы одежды в XVIII–XX вв. стали темой одного из номеров французского журнала *Cahiers d'histoire*, в редакционной статье к которому подчеркивалось возросшее внимание к таким «тонким кодам», раскрывающим, в частности, политические ориентации и социальную принадлежность, как выбор «цвета одежды, манеры завязывать галстук, носить шляпу и держать трость» [Jollet, 2015, p. 6]. Предметом настоящего исследования стали символические коды мужского пиджака / пиджачного костюма в отечественных политических коммуникациях XIX – начала XXI в.

Теоретической рамкой для исследования выступает концепт знаковой (семиотической) ситуации [Шрейдер, 1974, с. 4–5]. Е.А. Горный полагал, что, если «объектом семиотики может быть все что угодно, первый вопрос, который следует задать: “При каких условиях нечто воспринимается как знак, т.е. семиотически?”». Ситуация, когда нечто воспринимается кем-то как знак и называется семиотической ситуацией». По его мнению, «семиотическая ситуация характеризует не только и не столько свойства воспринимаемого “нечто”, сколько ментальное состояние воспринимающего “некто”» [Горный, 1996, с. 174]. В нашем случае описание семиозиса пиджака основывается на учете исторического контекста, породившего семиотическую ситуацию, в рамках которой один из акторов коммуникации осознанно или случайно предоставляет повод другому актору воспринимать данную часть мужского костюма или ее отсутствие в качестве определенного политического символа.

Базовым источником для исследования послужили эго-документы современников семиотических ситуаций, многие из которых сами выступали акторами этих ситуаций.

Первая семиотическая ситуация, 1852: знак европейских ценностей и общественной фронды

Ситуация сложилась вскоре после 13 марта 1852 г. Несмотря на императорское повеление не упоминать официально о смерти и похо-

ронах Н.В. Гоголя, И.С. Тургеневу после неудачной попытки опубликовать статью-некролог в петербургской печати (издатель иносказательно сослался на неподходящую «погоду» [Тургенев, 1982, с. 66]) удалось это осуществить в «Московских ведомостях». Данное обстоятельство послужило основанием для ареста и последующей ссылки писателя по распоряжению Николая I в имение матери Спасское-Лутовиново в Орловской губернии. Сам Тургенев рассматривал происшедшее в качестве наказания за свою литературную деятельность, в частности публикацию «Записок охотника». Между тем ему припомнили и отношения с семейством Виардо (княжна С.И. Мещерская в письме от 2 мая 1852 г. советовала Тургеневу быть осмотрительнее в переписке с французским адресатом: «Малейшее рассуждение чуть-чуть либеральное – как называют пугало для порядка, – да еще исходящее из семьи, известной как очень республиканская, – может вас подвергнуть новым и более значительным неприятностям» [Тургеневский сборник, 1966, с. 239]) и дружбу с А.И. Герценом, ставшим политическим эмигрантом.

По свидетельству бывшей фрейлины императрицы Александры Федоровны, императору статью-некролог «представили как манифест партии “пиджаков и общинного начала”» [Смирнова-Россет, 1989, с. 69]. Если пиджак в данной формуле символизировал в целом западников на рубеже 1840–1850-х годов, то «общинное начало» намекало на теорию русского социализма, обязанную своим формированием интеллектуальным усилиям Герцена. Именно западники стали ранними адептами пиджачной моды в России, а едва ли не первыми среди них – Тургенев и Герцен. Так, по свидетельству П.В. Анненкова, Герцен за неполный эмигрантский 1847 г. преобразился в «полного джентльмена западной расы – с подстриженной головой, щегольской бородкой, очень быстро принявшей все необходимые очертания, и пиджаком, ловко и свободно державшимся на плечах» [Анненков, 1983, с. 288]. На следующий год в Париж приедет и Тургенев. В описаниях его внешнего вида по возвращении в Россию упоминание пиджака в мемуарах современниками станет едва ли не общим местом. Имеются все основания полагать, что вхождение неологизма *пиджак* в русскую лексику связано с лингвистическими изысками тургеневского круга, по крайней мере за пределами этого сообщества в 1850-е годы упоминания данного слова были крайне редкими.

Те же, кто представили упомянутую статью Тургенева Николаю I в подобном вестиментарном ключе, хорошо понимали, на чем можно сыграть. В политической истории костюма период правления этого императора ассоциируется с «мундироманией». По его собственному признанию, он с военным мундиром «до того сроднился, что расставаться с ним ему так же неприятно, как если бы с него содрали кожу» [цит. по: Рахматуллин, 2004, с. 86]. К партикулярному платью и к новинкам европейской моды Николай I относился крайне негативно. И пусть революционная волна 1848–1849 гг. до России не докатилась, все «прелести» реакции Россия пережила, включая и высочайшее повеление в апреле 1849 г. о запрещении дворянам носить бороды. По этому поводу шеф жандармов граф А.Ф. Орлов отмечал, что «Его Величество почитает недостойным русскому дворянину увлекаться слепым подражанием всем западным затеям так называемой моды» [Дубельт, 2005, с. 160]. Среди пострадавших за моду оказался и граф А.К. Толстой, который в апреле 1850 г. «сослан был за какой-то пиджак в Калугу с сенатором Давыдовым для ревизии» губернии [Смирнова-Россет, 1989, с. 66].

Позднее по поводу отношения Николая I к модной новинке Тургенев будет рассказывать анекдот, вероятно, самым им сотворенный. Герои истории – граф Т., оставивший военную службу, и император Николай I, отрицательно относившийся к тем, кто оставлял военную службу. Приглашенный к близким знакомым на великосветский раут, граф явился в пиджачном костюме. На его беду, здесь же оказался и Николай Павлович. Император несколько раз подходил к графу, заинтересовавшись тем, во что тот одет. Русский перевод сложной для графа коммуникации выглядит следующим образом: «А! Т... – Как вы разделись! Как это называется?» – «Пиджак, в. в.». – «Как?» – «Пиджак, в. в.». – «Недурно, но какая разница с военным мундиром!» – «А! Т..., как же называется ваш костюм?» – «Пиджак, в. в.». – «Как?» – «Пиджак, в. в.». – «А! Т..., как же называется это одеяние? У меня сегодня прескверная память». – «Пиджак, в. в.». – «Как? Ужасно трудно запомнить это слово». – «Пиджак, в. в.». Не дожидаясь очередного подхода к нему императора, «граф Т... поспешил оставить раут, обещая себе никогда не попадаться на глаза государю в злополучном пиджаке» [Тучкова-Огарева, 1983, с. 215–217].

Вторая семиотическая ситуация, 1906: знак политической оппозиции и дресс-код для парламентской субэлиты

Ситуация сложилась 27 апреля 1906 г. в связи с императорским приемом депутатов Государственной думы и членов обновленного Государственного совета. Монарх и высшая бюрократия, вынужденные пойти в условиях революции на реформу политической системы, с опасением ожидали первого в истории России парламентского дня. Прием решено было встроить в формат большого Высочайшего выхода – шествия членов императорской фамилии из внутренних покоев Зимнего дворца в Тронный зал – «во всем блеске придворной помпы», дабы произвести на членов Думы, особенно из крестьян, «громадное впечатление» [Любимов, 1965, с. 47].

Возглавили выход церемониймейстеры со своими жезлами, впереди которых спешили царские скороходы в причудливых шлемах со страусиными перьями, раскрашенными в государственные цвета. Затем в сопровождении двенадцати дворцовых гренадеров в полной парадной форме и высоких медвежьих шапках следовали придворные сановники, которые несли регалии царской власти, за исключением порфиры, уже находившейся на троне в Георгиевском зале – это оказался последний случай использования всей коллекции регалий в истории позднеимперской России: даже празднование 300-летия Дома Романовых обошлось без подобной чести. За ними шел император в парадной форме лейб-гвардии Преображенского полка. Позади него, отставая шагов на десять, следовали рядом обе императрицы. Александра Федоровна была в белом, расшитом золотом, платье, шлейф которого несли шестеро пажей, в большой бриллиантовой диадеме со 113 жемчужинами разной формы и величины, выполненной в стиле *Lovers knot*, первой обладательницей которой в начале 1830-х годов была другая Александра Федоровна – супруга Николая I. На вдовствующей императрице Марии Федоровне величественно смотрелось белое атласное платье, отороченное мехом русского соболя. Далее парно шествовали великие князья и княгини, некоторые из них специально на это мероприятие прибыли из-за границы, замыкали процессию придворные чины, кавалеры и дамы, все в парадной форме [см.: Романов, 1998, с. 287–289; Епанчин, 1996, с. 350–351].

В свою очередь кадеты, оказавшиеся ведущей парламентской партией, накануне решили явиться на императорский прием и первое думское заседание в костюмах попроще, а не во фраках, как об этом сговорились выборные члены Госсовета. Выбор пиджачного костюма должен был, с одной стороны, указать на независимость рождавшегося парламента от самодержавия, с другой – обратить внимание на близость интеллигентов-либералов к народу, к тем же самым крестьянским депутатам. Среди кадетов было немало англоманов, и возможно, кому-то из них вспомнился прецедент, созданный 3 августа 1892 г. одним из основателей Лейбористской партии К. Харди, который в свой первый парламентский день (впрочем, как и в последующие), явился в палату общин в твидовом пиджачном костюме, фланелевой рубашке и кепке – выходной одежде шотландских рабочих, бросая тем самым вызов «парламентской униформе сюртука, цилиндра и накрахмаленного воротничка» и подчеркивая, что он представляет здесь интересы именно рабочего класса [Lowe, 1923, p. 64; Holman, 2010, p. 66–67].

Вестиментарное столкновение в Зимнем дворце не могло не пройти незамеченным, оно запомнилось, в частности серый поношенный пиджак князя Г.Е. Львова [Оболенский, 1925, с. 2]. О восприятии современниками костюмов большинства перводумцев в качестве определенного знака говорят следующие пассажи из их воспоминаний: «нарочито неряшливый вид» [Гурко, 2000, с. 551]; «демонстративно одетые в затрапезные платья» [Врангель, 2003, с. 328]; «как будто нарочно, демонстративно» [Коковцов, 1992, с. 155–156]; «с очевидной целью демонстрации» [Таганцев, 1919, с. 35]; «едва ли такая одежда была без цели» [Епанчин, 1996, с. 351], «умышленно будничные костюмы депутатов» [Бок, 1992, с. 97] и др.

К началу XX в. пиджак, по выражению редактора-издателя петербургского модного журнала И.Н. Пелицаро, превратился во «всемирное платье; его носят богатый и бедный, высокопоставленный и простой человек; оно пригодно и для дома, и для конторы, для дороги и для некоторых родов спорта» [Обозрение моды, 1904, с. 1]. Благодаря деятельности Государственной думы пиджак оказался востребованным и в пространстве публичной политики. Усложнение и демократизация состава отечественной политической элиты, выход ее за бюрократические границы превратили пиджак в основу дресс-кода для

парламентской субэлиты, на первых порах для ее левого и либерального сегментов, а с течением времени и думские консерваторы все чаще оказывались перед выбором между традиционным сюртуком и модным пиджаком.

Третья семиотическая ситуация, 1917: знак революционных перемен и дресс-код для властвующей элиты

Социально-политическая революция предполагает резкое изменение картины мира, т.е. революцию символическую. Каждая революция порождает конфликт политических (и не только) символов – отказ от ценностей предыдущей эпохи и выстраивание новой знаковой иерархии, каждая революция усиливает значимость символов в качестве инструментов политической мобилизации [Махлина, 2017], не была исключением в этом отношении и революция в России [напр., см.: Глебова, 2009; Колоницкий, 2012]. Конкретные обстоятельства, при которых произошло усложнение семиотической нагрузки пиджака в отечественной политической коммуникации, связаны с событиями 2–3 марта 1917 г. – отречением Николая II и образованием Временного правительства.

Во-первых, неожиданный дуэт парламентариев, прибывших за актом отречения императора в Псков, составили испытывавший к Николаю II личную неприязнь октябрист А.И. Гучков в сюртуке и в спешке собравшийся, но надеявшийся смягчить своим присутствием неловкость предстоящего события, националист В.В. Шульгин в пиджаке. Именно костюм последнего, по поводу неуместности которого переживал он сам [Шульгин, 1989, с. 250], был воспринят участниками случившегося как знаковый. Кто-то из свиты, прощаясь с ним на перроне, сказал: «Вот что, Шульгин, что там будет когда-нибудь, кто знает. Но этого “пиджачка “мы вам не забудем» [Иоффе, 2006, с. 201].

Во-вторых, данный вид мужского костюма стал официальным костюмом новой власти. Далеко не случайно А.Ф. Керенский охарактеризовал первый состав Временного правительства как «власть в пиджаке», которая «презирала всю видимость власти, позу, некоторую, пожалуй, даже театральность. А это было тогда необходимо, наверное, необходимо. Конечно, нужно было во всем и в большом и малом

как можно ярче, как можно глубже провести грань между старым и новым» [Керенский, 1925, с. 2].

Однако вестиментарный сигнал о демократичности, простоте и доступности новой власти не был воспринят бывшими подданными российского императора. Керенский едва ли не первым из политиков осознал, что в экстремальных условиях войны и революции «массы не умеют признавать власть “в пиджаке”», и облекся во френч [Милуков, 1927, с. 82], а сатирик А.Т. Аверченко в одном из своих фельетонов обратился с призывом к членам Временного правительства: «Министры, снимайте ваши скромные рабочие куртки, которые так умиляли первое время – снимайте свои затрапезные пиджаки! <...> Свободные русские товарищи еще не доросли до того, чтобы уважать благородную бедность наряда. Они недостойны этого символа братского единения с ними [Аверченко, 1917, с. 7].

Возвращение пиджака во власть в 1917 г. в качестве демократического знака традиционно ассоциируется с социалистическим этапом революции и В.И. Лениным. Но и в этом случае пиджак в силу комплекса политико-экономических, социокультурных и символических обстоятельств не выдержал конкуренции с милитаризованными формами одежды, в частности, с кожаной курткой (Я.М. Свердлов, Л.Д. Троцкий) и френчем (И.В. Сталин). Показательно то, что тело Ленина в мавзолее до эвакуации в 1941 г. в Тюмень «покоилось» во френче. Потребовалось длительное время, вплоть до прихода к руководству страной в 1964 г. Л.И. Брежнева, для того, чтобы пиджачный костюм занял монопольное положение в гардеробе советской номенклатуры. Правда, высокое качество материалов и индивидуальный пошив, а позднее и готовые костюмы иностранного производства, уже не ассоциировались с простотой и доступностью власти.

Динамика символических кодов пиджака в отечественной политической коммуникации связана и с его особенностями как вещи (функциональная универсальность и комфортность, приспособляемость к модным трендам и т.п.), и с разнообразием ситуаций, в которых пиджак порождал политические смыслы, и с его визуально-эстетической аутентичностью эпохе modernity в целом. По мнению культуролога Э. Холландер, «постоянство мужского классического костюма показывает, насколько властной может стать визуальная форма, как она увековечивает себя благодаря символической и эмоци-

ональной мощи, что соответствует принципам модерности» [Холландер, 2018, с. 7]. В свою очередь историк культуры К. Бруард усматривает в пиджачном костюме «непреодолимый символ современной цивилизации» [Бруард, 2018, с. 7].

Между тем одним из первых это осознал, правда, с горечью, отечественный религиозный мыслитель К.Н. Леонтьев. В его переписке с В.В. Розановым в 1891 г. появляется понятие «пиджачная цивилизация» [Розанов, 2001, с. 364, 408], от которой Леонтьев и скрылся монахом в Оптиной пустыни. Исходя из сформулированного им закона «триединого процесса развития», философ полагал, что после 1789 г. Европа из периода «цветущей сложности» перешла в период «вторичного смесительного упрощения», превратившись в «серую, буржуазную, машинную, пиджачную, куцую Европу» [Леонтьев, 1992, с. 276].

Интерпретация пиджака в качестве едва ли не основного вестиментарного знака эпохи *modernity* во многом объясняет участвовавшие дресс-кодовые скандалы на рубеже XX–XXI столетий, на стыке двух цивилизационных эпох – современности и постсовременности. С одной стороны, «тактичная и цельная красота» пиджачного костюма оскорбляет «постмодернистское восприятие» [Холландер, 2018, с. 7] и побуждает политиков, уверовавших в ценности постсовременности, к экспериментам в манере одеваться (например, санкраваты из парламентской партии «Непокоренная Франция»), с другой – постмодернистские веяния в политике не могут не провоцировать ответную реакцию в виде модернистского фундаментализма. В связи с этим следует ожидать, что пиджак еще породит новые политические смыслы.

Список литературы

Исследования

Бруард К. Костюм : стиль, форма, функция. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – 152 с.

Вайнштейн О.Б. «Банты, рюши, цветы и кокарды» : теоретические и политические аспекты моды // Неприкосновенный запас. – 2004. – № 5(37). – С. 88–96.

Волобуева Т.О. Политическая символика в истории костюма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия История и политические науки. – 2010. – № 3. – С. 149–154.

Глебова И.И. Павшая власть – падшая власть (О судьбе монархии в революциях 1917 г. и сакрально-символическом значении верховной власти в России) // Труды по руссиеведению. – Москва : ИНИОН РАН, 2009. – Вып. 1. – С. 117–170.

Горный Е. Что такое семиотика? // Радуга. – Таллинн. – 1996. – № 1. – С. 168–175.

Иоффе Г. Василий Витальевич Шульгин. 1878–1976 // Новый журнал. – Нью-Йорк, 2006. – Кн. 242. – С. 189–201.

Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть : к изучению политической культуры российской революции 1917 г. – Санкт-Петербург : Лики России, 2012. – 336 с.

Махлина С.Т. Семиотика революции // Клио. – 2017. – № 5. – С. 13–24.

Рахматуллин М.А. Император Николай I глазами современников // Отечественная история. – 2004. – № 6. – С. 74–98.

Холландер Э. Пол и костюм. Эволюция современной одежды. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – 176 с.

Шрейдер Ю.А. Логика знаковых систем : элементы семиотики. – Москва : Знание, 1974. – 64 с.

Bard C. Une histoire politique du pantalon. – Paris : Seuil, 2010. – 392 p.

Holman B. Keir Hardie: Labour's Greatest Hero? – Oxford : Lion Hudson, 2010. – 244 p.

Jollet A. Le mot de la rédaction // Cahiers d'histoire. Revue d'histoire critique. – 2015. – № 129. – P. 6–8.

Lowe D. From Pit to Parliament: The Story of the Early Life of James Keir Hardie. – London : Labour Publ. Co., 1923. – 207 p.

Wrigley R. The Politics of Appearances: Representations of Dress in Revolutionary France. – New York : Berg, 2002. – 332 p.

Источники

Аверченко А. Взбунтовавшиеся рабы // Новый сатирикон. – 1917. – № 21. – С. 7.

Анненков П.В. Литературные воспоминания. – Москва : Художественная литература, 1983. – 694 с.

Бок М.П. П.А. Столыпин : воспоминания о моем отце. – Москва : Современник, 1992. – 314 с.

Врангель Н.Е. Воспоминания: от крепостного права до большевиков. – Москва : Новое литературное обозрение, 2003. – 505 с.

Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. – Москва : Новое литературное обозрение, 2000. – 808 с.

Дубельт Л.В. Записки для сведения, 1849 г. // Российский Архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. : альманах. [Т. 14]. – Москва : Студия ТРИТЭ : Рос. архив, 2005. – Т. 14. – С. 146–248.

Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. – Москва : Журн. «Наше наследие», 1996. – 573 с.

Керенский А. О князе [Г.Е. Львове] (отрывок) // Дни. – Берлин, 1925. – № 713, 12 марта. – С. 2.

- Коковцов В.Н. Из прошлого : Воспоминания. 1903–1919 : в 2-х кн. – Москва : Современник, 1992. – Кн. 1. – 590 с.
- Леонтьев К.Н. Цветущая сложность. Избранные статьи. – Москва : Молодая гвардия, 1992. – 318 с.
- Любимов Л. На чужбине. – Москва : Советский писатель, 1965. – 414 с.
- Милюков П.Н. Россия на переломе : большевистский период русской революции. – Париж : [б. и.], 1927. – Т. 1 : Происхождение укрепление большевистской диктатуры. – 400 с.
- Обозрение моды // Новейшие моды мужских платьев. – Санкт-Петербург, 1904. – № 9. – С. 1.
- Оболенский В. О князе Львове // Последние новости (Париж). – 1925. – № 1526, 16 апреля. – С. 2.
- Розанов В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Стахов. К.Н. Леонтьев. – Москва : Республика, 2001. – 480 с.
- Романов К.К. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. – Москва : Искусство, 1998. – 492 с.
- Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. – Москва : Наука, 1989. – 789 с.
- Таганцев Н.С. Пережитое. Учреждение Государственной Думы в 1905–1906 гг. – Петроград : 13-я Гос. типография, 1919. – 224 с.
- Тургенев И.С. Письмо из Петербурга // И.С. Тургенев. Полн. собр. соч. : в 30 т. – Москва : Наука, 1982. – Т. 11 : Сочинения. – С. 64–67.
- Тургеневский сборник : материалы к полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. II. – Москва : Наука, 1966. – 399 с.
- Тучкова-Огарева Н.А. Иван Сергеевич Тургенев. 1848–1870 // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников : в 2 т. – Москва : Художественная литература, 1983. – Т. 1. – С. 208–219.
- Шульгин В.В. Дни. 1920. – Москва : Современник, 1989. – 559 с.

References

- Bard, C. *Une histoire politique du pantalon*. Paris, Seuil, 2010. 392 p. (In French)
- Breward, Ch. *Kostyum: stil', forma, funkciya* [The Suit: Form, Function and Style]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. 152 p. (In Russ).
- Glebova, I.I. Pavshaya vlast' – padshaya vlast' (O sud'be monarhii v revolyuciyah 1917 g. i sakral'no-simvolicheskom znachenii verhovnoj vlasti v Rossii) [Fallen power – fallen power (On the fate of the monarchy in the revolutions of 1917 and the sacred and symbolic meaning of the supreme power in Russia)]. In *Trudy po rosssievedeniyu* [Proceedings on Russian Studies]. Moscow, INION RAN Publ., issue 1, 2009, pp. 117–170. (In Russ).
- Gornyj, E. Chto takoe semiotika? [What is semiotics?]. In *Raduga*, Tallinn, no 1, 1996, pp. 168–175. (In Russ).
- Hollander, A. *Pol i kostyum. Evolyuciya sovremennoj odezhdy* [Sex and suits. The evolution of modern dress]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2018, 176 p. (In Russ).
- Holman, B. *Keir Hardie: Labour's Greatest Hero?* Oxford, Lion Hudson Publ, 2010. 244 p.

Ioffe, G. Vasilij Vital'evich Shul'gin. 1878–1976 [Vasily Vitalievich Shulgin. 1878–1976]. In *Novyi zhurnal*, New York, vol. 242, 2006, pp. 189–201. (In Russ).

Jollet, A. Le mot de la rédaction. In *Cahiers d'histoire. Revue d'histoire critique*, 2015, no. 129, pp. 6–8. (In French)

Kolonitskiy, B.I. *Simvol'y vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniyu politicheskoy kul'tury rossijskoy revolyucii 1917 g.* [Symbols of power and the struggle for power: to the studies of the political culture of the Russian revolution of 1917]. Saint Petersburg, Liki Rossii Publ., 2012. 336 p. (In Russ).

Lowe, D. *From Pit to Parliament: The Story of the Early Life of James Keir Hardie*. London, Labour Publ. Co., 1923. 207 p.

Makhlina, S.T. Semiotika revolyucii [Semiotics of revolution]. In *Klio*, no 5, 2017, pp. 13–24. (In Russ).

Rakhmatullin, M.A. Imperator Nikolaj I glazami sovremennikov [Emperor Nicholas I through the eyes of contemporaries]. In *Otechestvennaya istoriya*, no 6, 2004, pp. 74–98. (In Russ).

Shreider, Yu.A. *Logika znakovykh sistem: elementy semiotiki* [The logic of sign systems: elements of semiotics]. Moscow, Znanie Publ., 1974. 64 p. (In Russ.)

Volobueva, T.O. Politicheskaya simbolika v istorii kostyuma [Political symbolism in the history of costume]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, no 3, 2010, pp. 149–154. (In Russ).

Weinstein, O. “Banty, ryushi, cvety i kokardy”: teoreticheskie i politicheskie aspekty mody [“Bows, ruffles, flowers and cockades”: theoretical and political aspects of fashion]. In *Neprikosnovennyj zapas*, no. 5 (37), 2004, pp. 88–96. (In Russ).

Wrigley, R. *The Politics of Appearances: Representations of Dress in Revolutionary France*. New York, Berg Publ., 2002. 332 p.